

ОКтябрьская Революция

24 октября положение выяснилось с достаточной ясностью. На вызов Временного правительства явились лишь ничтожные кучки юнкеров и солдат разного рода оружия. Было совершенно очевидно, что весь петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского Совета. Группируя сведения, поступившие ко мне со всех сторон, я составил себе такую картину количества войск, прибывших к Зимнему дворцу на защиту Временного правительства:

- 1) два отделения Михайловского военного училища;
- 2) 700 человек юнкеров Петергофской школы прапорщиков;
- 3) 300 человек Ораниенбаумской школы прапорщиков;
- 4) три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков;
- 5) 200 человек ударного женского батальона;
- 6) 200 человек казаков.

Всего, по моим расчетам, выходило около двух тысяч человек. Это была вся та «несметная рать», которую Временное правительство смогло противопоставить Петроградскому Совету. Понятно, что дальше ждать было бы смешно, и Петроградский Совет приступил к активным действиям по свержению Временного правительства и захвату власти в свои руки. День 24 октября явился первым днем вооруженного восстания Петроградского Совета против Временного правительства.

Я все время держал связь с Военно-революционным комитетом и следил за развертыванием событий и нашего наступления на Зимний дворец. Гренадерский полк не был привлечен к активным операциям. Военно-революционный комитет решил оставить его в резерве, считая, что он и так был достаточно потрепан в июльские дни. Помню, уже начинало темнеть, когда раздался пушечный выстрел с «Авроры», вошедшей в устье Невы и ставшей у Николаевского моста. Я шел в это время по двору, а впереди меня двигался какой-то солдат. От неожиданности он споткнулся и выругался. «Черт возьми! — проворчал он. — У нас тут своя война». Вслед за пушечным выстрелом раздался треск пулемета. По-видимому, сражение разыгрывалось вовсю. Я сейчас же поспешил в полковой комитет и нарядил одного солдата к штабс-капитану Дзевалтовскому, который являлся одним из руководителей

операций у Зимнего дворца. Дзевалтовский, недавно прибывший с фронта, был тоже офицером Гренадерского полка и потому держал связь с полком, который он считал своим. В данном случае я поручил солдату узнать от Дзевалтовского, как обстоят дела и не нужно ли ему подкрепления. Одновременно я распорядился держать половину полка в полной боевой готовности. Солдат вскоре возвратился и сообщил, со слов Дзевалтовского, что все обстоит благополучно, части, находящиеся в Зимнем дворце, постепенно сдаются и что он направляет к нам для содержания под стражей свой первый трофей — женский ударный батальон.

Было уже совсем темно, когда женщины-ударницы, окруженные конвоем, вступили на территорию Гренадерского полка. Я впервые видел женщин-ударниц и потому с особенным интересом приглядывался к ним. В общем они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стриженным головам и простым, грубым, обветренным лицам их можно было принять за молодых солдат, но сразу же бросался в глаза их низкий рост (по сравнению с гренадерами они казались прямо карликами), маленькие ручки и так нелепо выглядевшие в обмотках толстые ноги. С тремя из них, в том числе с их командиром, тотчас же по их приходе сделались обмороки. Мы кое-как дотащили их до помещения полкового комитета, посадили здесь на стулья и дали воды. Постепенно они пришли в себя. «Эх, не нужно бы вам воевать», — невольно вырвалось у кого-то из солдат. «Да разве мы знали, — горячо заявила командир отряда, — нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну». Я переглянулся с членами полкового комитета. Вот к каким средствам принужден был прибегать Керенский для того, чтобы поддержать свою падающую власть.

Однако ударниц нужно было где-то разместить. Я произвел расчет, их оказалось 138. Арестное помещение при полку для такого количества пленниц, конечно, слишком мало. Вместе с председателем полкового комитета Федоровым мы выбрали пустую изолированную казарму и поместили ударниц там, поставив у дверей надлежащий караул. На другой день я получил распоряжение от Военно-революционного комитета освободить ударниц и предоставить им возможность следовать на Финляндский вокзал для дальнейшего направления в свои казармы на станцию Левашово. Я тотчас же объявил им об этом, и они радостно засуетились и начали собираться и строиться, приготавливаясь в путь-дорогу. Буржуазная печать впоследствии писала, что пленные ударницы подверглись всякого рода истязаниям, а часть их была изнасилована. Все это, конечно, совершеннейший вздор. Когда ударницы были уже в сборе, ко мне явилась от них специальная делегация и поблагодарила за хорошее и товарищеское к ним отношение.

Я искренне пожал им руки и пожелал счастливого пути. Скоро их небольшая серая колонна скрылась за массивными воротами казарм Гренадерского полка.

Итак, переворот совершился. Министры Временного правительства, за исключением Керенского, были арестованы, и Петроградский Совет прочно держал власть в своих руках. Совместно с тов. Федоровым мы решили создать полковой комитет, для того чтобы выявить его отношение к происходящим событиям. На это собрание Федоров решил пригласить и командира полка. Любопытно, что с того момента, как я появился в полку, командир его словно сквозь землю провалился. Я самочинно распорядился полком, рассылал патрули, держал в полку арестованных, а подлинный хозяин полка, его командир, ничем не выявлял своего присутствия. На первый взгляд это могло показаться странным. Но хитрый командир полка знал, как ему нужно себя вести, и действовал вполне обдуманно и, со своей точки зрения, даже разумно. В самом деле, что ему было делать? В душе он, несомненно, сочувствовал Временному правительству и по долгу службы должен был ему подчиняться. С другой стороны, он ясно видел, что сила на нашей стороне и попытка его выступить в полку против меня повела бы только к его собственной дискредитации. Поэтому он предпочел пока что вовсе устраниваться с поля действия и выждать, чья возьмет, чтобы потом присоединиться к той стороне, которая победит.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 152—155